

IV. Война

- 1. Японский империализм
- 2. Возвышение Китая
- 3. Колонии
- 4. Россия и Европа
- 5. В бездну

1. Японский империализм

Предыдущие главы были написаны в первые годы войны, 1941–1942, как резюме того, что прошлые времена борьбы дали в виде полезной информации для рабочего класса, инструмента, полезного в его дальнейшей борьбе за свободу. Теперь, в 1944 году, война, начатая как попытка германского капитала вырвать мировую власть у английской буржуазии, охватила весь мир. Все напряжения, вызванные ростом капитализма на разных континентах, все антагонизмы между новой поднимающейся и старой могущественной буржуазией, все конфликты и волнения в ближних и дальних странах сплелись и взорвались в этой поистине мировой войне. И каждый день показывает, насколько глубже, грандиознее и основательнее, чем в любой предыдущей войне, будут ее последствия, как в Америке и Азии, так и в Европе. Человечество вовлечено в войну целиком, и нейтральные страны тоже ощущают ее последствия. Каждая нация вовлечена в судьбу каждой другой нации, какой бы отдаленной она ни была. Эта война — одна из последних конвульсий в непреодолимом процессе объединения человечества; классовая борьба, которая будет развиваться из войны, превратит это единство в самоуправляемое сообщество.

Помимо Европы, ее первой сцены, Восточная Азия стала вторым, не менее важным, центром войны. В Китае война с Японией шла уже несколько лет, когда с началом войны между Америкой и Японией он был включен как подчиненная часть в мировую борьбу. Эта борьба в Восточной Азии будет иметь такое же значение для мирового курса, как и борьба в Европе. Поэтому ее истоки, как и тенденции, должны быть рассмотрены здесь несколько более внимательно.

Плотное население, скопившееся на плодородных равнинах Восточной и Южной Азии и прилегающих островов, долго сопротивлялось вторжению капитализма. При численности почти в тысячу миллионов человек они составляли почти половину человечества. Следовательно, пока они остаются в состоянии мелкого сельского хозяйства и мелкого ремесла, нельзя сказать, что капитализм захватил мир, капитализм еще не завершил свою задачу и свой рост. Старые могущественные монархии застыли в своем первом контакте с растущим капитализмом XVI и XVII веков, они сдерживали его вторжение и отгораживались от его разрушительного воздействия. В то время как в Индии и на индийских островах торговый капитал мог постепенно установить свое господство, Китай и Япония могли сохранять себя как сильные военные державы в течение нескольких столетий. В XIX веке военная мощь современного капитализма сломала сопротивление. Развитие капитализма, сначала в Японии, а теперь в Китае, было причиной, содержанием и результатом нынешней мировой войны.

В XVII, XVIII и первой половине XIX века Япония была феодально-абсолютистским государством, отделенным от внешнего мира строгими запретительными законами. Она управлялась примерно сотней мелких князей [даймё], каждый из которых был владыкой своего собственного королевства, но все они строго подчинялись сёгуну в столице, который

формально был военным вождем номинального императора, микадо в Киото, но практически был реальным правителем. Сёгуны, чей пост был наследственным в семье Токугава, удерживали даймё в подчинении и поддерживали внутренний мир в течение двух с половиной веков. Сохранялась строгая феодальная организация четырех порядков в обществе; но в долгосрочной перспективе она не могла предотвратить внутреннее развитие.

Основой общества было мелкое фермерское хозяйство, на участках площадью всего один или несколько акров. По закону половина продукции должна была поставляться князю в натуральном виде (в основном рис), но часто с крестьян брали больше. Над ними возвышался правящий и эксплуатирующий класс воинов, самураев, образующих высший орден, состоящий из нескольких рангов, от князей до простых солдат. Они составляли дворянство, хотя их низшие, самые многочисленные сословия имели лишь небольшой доход от риса; они были своего рода рыцарями, жившими вокруг замков своих господ. Поскольку после прекращения старых междоусобных войн необходимость в их особой службе — воевать — отпала, они превратились в чисто паразитическое сословие, живущее в праздности или занимающееся литературой и искусством — именно они были создателями знаменитого японского искусства, которым впоследствии так восхищались в Европе. Но они имели право убивать всех представителей низших сословий, которые попадались им на пути, не подвергаясь наказанию. Ниже второго сословия, крестьян, стояли низшие сословия, ремесленники и купцы, которые работали на самураев, своих покровителей и клиентов; они зарабатывали деньги, и постепенно из них возник первый вид буржуазии.

Основой системы была тяжелая эксплуатация крестьян; японские авторы говорили, что политика правительства заключалась в том, чтобы оставить крестьянам столько, что они не могли ни умереть, ни жить. Их держали в абсолютном невежестве, они были привязаны к земле, которую не могли продать, им было отказано во всех удобствах жизни. Они были рабами государства; на них смотрели как на машины для производства риса, в котором нуждался правящий класс. Иногда голодные крестьяне поднимали локальные восстания и добивались некоторой компенсации, потому что неумелые солдаты не осмеливались выступить против них. Но голод и страдания оставались преобладающими условиями.

Несмотря на то, что законы были призваны установить окаменевшую неизменность, условия постепенно менялись. Расширение ремесла и торговли, увеличение производства товаров привели к появлению роскоши в городах. Правящая знать, чтобы удовлетворить свои новые потребности, вынуждена была занимать деньги и становилась должниками купеческого сословия, высших даймё, а также простых солдат. Последние, доведенные до нищеты, иногда, несмотря на запрет, уходили в другие профессии. В XIX веке их растущее недовольство выкристаллизовалось в систематическую враждебность к государственной системе. Поскольку они составляли наиболее интеллектуальный класс и находились под влиянием некоторых европейских идей, просачивавшихся через узкую щель голландской торговли в Дэдзими, они смогли сформулировать свою оппозицию в националистической программе «уважения к императору» как символу национального единства. Таким образом, существовали силы для изменения феодального абсолютизма в сторону капитализма; но они были бы слишком слабы для революции, если бы не сильный толчок со стороны агрессивного западного капитализма.

Уже в своем первом подъеме, при открытии всей земли в XVI веке, капитализм постучался в ворота Японии; он разжег войны между феодалами и князьями; распространение христианства против буддизма было выражением парализующего расстройств империи. Несколько последовательных сильных сёгунов предотвратили опасность, подчинив мятежных лордов своей централизованной власти; иностранцы были изгнаны, и в результате мощного удара — запрета и истребления христианства — ворота были закрыты на два с половиной века. Затем современный капитализм в своем завоевании мира снова постучался в ворота и своими пушками заставил их открыть. В 1853 году пришли американские и русские военные корабли, за ними последовали другие, были заключены торговые договоры с западными державами. И вот старая, изъеденная червями система управления сломалась, сёгунат исчез, враждебные ему кланы взяли верх и в результате «реставрации» 1868 года создали прочное единое государство под управлением микадо [императора].

Это означало введение капитализма. Сначала была заложена юридическая основа для общества среднего класса: четыре ордена были упразднены, и все жители стали свободными гражданами с равными правами. Была установлена свобода торговли, проживания и передвижения, частная собственность, в том числе и на землю, которую теперь можно было покупать и продавать. Вместо того чтобы земледельцу платить половину продукта натурой, с владельца земли взимался денежный налог. Самураи потеряли свои феодальные привилегии, а вместо этого получили сумму денег, на которую можно было купить участок земли или начать свое дело; как ремесленники и работодатели они составляли часть поднимающейся буржуазии. Государственные чиновники, офицеры армии и флота, интеллигенция в новом обществе в основном происходили из этого класса самураев. Высшее сословие оставалось у власти; часть феодальных князей теперь составляла Тайный совет, который за кулисами руководил правительством; их приближенные, по-прежнему связанные между собой старыми клановыми узами, становились членами кабинета министров, генералами, партийными вождями и влиятельными политиками.

Так что в Японии все было иначе, чем в Европе. Капитализм наступил не потому, что поднимающаяся буржуазия победила феодальный класс в революционной борьбе, а потому что феодальный класс превратился в буржуазию, что, безусловно, заслуживает уважения. Поэтому легко понять, что и при капитализме в японском правящем классе сохранялся феодальный дух с его сословными предрассудками, властной надменностью, раболепным почтением к императору. Дух среднего класса европейского капитализма полностью отсутствовал; Германия, которая больше всего похожа на Японию, отличается от нее тем, что там существует различие между дворянами-землевладельцами и промышленниками среднего класса. Только спустя несколько десятков лет была принята конституция по немецкому образцу, с парламентом, не имеющим власти над администрацией и бюджетом. Гражданские права практически не существовали даже на бумаге; правительство и чиновники имели абсолютную власть над народом. Крестьяне оставались глубоко поработанной, эксплуатируемой массой голодающих; замена капиталистического давления феодальным означала, что они должны платить большие деньги в виде налогов или арендной платы, что их земля перешла в руки крупных землевладельцев, что они могут быть выселены путем отказа от аренды, что вместо прежних известных страданий

наступило непредвиденное разорение из-за неизвестных влияний рынка и цен. Крестьянские восстания были многочисленны после первых лет Реставрации.

Капитализм был внедрен сверху. Способные молодые люди были отправлены в Европу для изучения науки и техники. Правительство возводило фабрики, в первую очередь оружейные заводы и верфи, так как военная мощь против других держав была наиболее актуальна. Затем были построены железные дороги и корабли, сооружены угольные шахты, затем развилась текстильная промышленность, в основном шелковая и хлопчатобумажная, были основаны банки. Частный бизнес поощрялся субсидиями, а государственные предприятия передавались в частные руки. Таким образом, правительство потратило много денег, полученных частично за счет налогов, частично за счет займов или выпуска бумажных денег, что резко взвинтило цены. Эта политика продолжалась и в дальнейшем; капитал разжирел за счет государственных субсидий, особенно на навигацию, с последующим искусственным процветанием. Эта система часто перерастала в чистую коррупцию; новоиспеченный класс капиталистов, из-за отсутствия унаследованных деловых максим в своих сделках, демонстрировал наглое отсутствие обычной честности; расхищение государственных средств для личного обогащения считалось обычным делом. Даже высшие чиновники и политики принимают участие в крупных предприятиях и получают заказы на них с помощью политического влияния.

Большое количество обедневших крестьян стекалось в города, на фабрики, где в трущобах скапливался сильно эксплуатируемый пролетариат, почти бесправный, разоренный низкой зарплатой (полюены в день), долгим рабочим днем (14-16 часов) и детским трудом. Государственные чиновники низших рангов, даже интеллигенция, инженеры, морские офицеры получают гораздо меньшую зарплату, чем в Европе. Рабочие классы в стране, как и в городах, живут в состоянии безнадежной нищеты, убожества и отчаяния, превосходящем худшие условия в Европе прежних времен. В текстильной промышленности существует регулярная рабовладельческая система; крестьяне продают своих дочерей на несколько лет на фабрики, где они живут интернами в самых ужасных антисанитарных условиях; после истечения срока контракта они частично возвращаются в свои деревни, принося с собой туберкулез. Таким образом, японское производство было дешевым, и за счет низких цен на свой хлам могло перебить западные товары на азиатском рынке. На основе высокоразвитой машинной техники, дополненной обширной примитивной домашней промышленностью и низким уровнем жизни рабочих, капиталистическая промышленность и торговля мощно росли; каждые десять лет импорт и экспорт удваивались. Хотя страна не сравнялась с Америкой, Англией и Германией, она поднялась выше большинства других стран. Число промышленных рабочих достигло двух миллионов в 1929 году; сельское хозяйство занимало уже менее половины населения. Рабочие жили в состоянии частичного рабства; только в машинной промышленности и среди моряков существовала хоть какая-то организация. Возникали забастовки, но их силой подавляли. Социалистические и коммунистические идеи, естественно, нашедшие себе дорогу в таких условиях, преследовались и жестоко уничтожались. Это полностью вписывалось в систему полицейского произвола, отсутствия личных прав, зверской жестокости и незаконного насилия над своими и чужими людьми, в которой уже проявился характер позднейшего фашизма.

Империализм, крупнокапиталистическая политика завоеваний, не имел нужды развиваться здесь постепенно; он с самого начала принадлежал к политике внедрения капитализма сверху. С самого начала милитаризм был главной целью и идеалом новой системы, сначала как средство обороны против белых держав, затем как средство завоевания рынков и источников сырья. Все старые боевые инстинкты, традиции дисциплины и импульсы угнетения бывшего класса самураев могли проявиться и возродиться в военном духе возвышенного национализма. Сначала, победив в 1895 году заплесневелую китайскую державу и завоевав Корею и Формозу, она заняла свое место среди крупных держав. Затем победа над столь же заплесневелой державой русского царизма в 1904 году открыла путь во внутренние азиатские царства. Теперь японские правители становились все более самоуверенными и начали говорить о мировой миссии Японии как лидера Восточной Азии и полного освобождения Азии от господства белых.

Эта политика завоевания часто защищается аргументом, что быстрый рост населения — удвоение за 35 лет — которое не может найти достаточного пропитания на небольших участках обрабатываемой земли на этих горных островах, вынуждает к эмиграции или увеличению промышленного труда, для которого должны быть доступны рынки и сырье. Везде рост капитализма с его отменой старых уз и расширением возможностей для жизни привел к быстрому росту населения. Здесь же, наоборот, это следствие, рассматриваемое как естественное явление, используется как аргумент для завоевания и порабощения других народов. Однако истинная причина этой политики завоевания сначала Маньчжурии, а затем северных провинций Китая заключается в отсутствии у Японии железной руды. Вся промышленная и военная мощь в наше время основывается на владении железом и сталью, поэтому Японии нужны богатые месторождения полезных ископаемых в Жэхэ и Шаньси. В то же время японский капитал вторгся в Китай и основал фабрики, главным образом хлопчатобумажные, в Шанхае и других городах. И там вырисовывалось видение будущего величия и могущества: сделать из этих 400 миллионов сначала потребителей своей промышленности, а затем эксплуатировать их как рабочих. Поэтому необходимо было стать политическим хозяином и лидером Китая. И большинство экспертов по восточным делам не сомневались, что Япония с ее военной мощью, крупной промышленностью, гордой самоуверенностью сумеет доминировать над бессильной и разделенной китайской империей.

Но здесь японские правители столкнулись с тяжелой обратной стороной. Сначала с неожиданно упорным сопротивлением китайского народа, а затем с более могущественным противником. Овладение рынками и будущее развитие Китая — жизненно важный вопрос для американского капитализма в его нынешнем состоянии развития. Несмотря на самые тщательные и масштабные приготовления, Япония не сможет сравниться с колоссальными промышленными ресурсами Америки, когда они преобразуются в военную мощь. Поэтому ее правящий класс потерпит поражение. Когда военная мощь Японии будет уничтожена и ее высокомерные капиталистические бароны будут повержены, тогда впервые японский народ освободится от феодальных форм угнетения.

Для Японии это будет рассвет новой эры. Независимо от того, введут ли победившие союзники более современную форму правления, или с падением подавляющей власти вспыхнет революция крестьян и рабочих, в любом случае варварская отсталость в уровне

жизни и идеях потеряет свою основу. Конечно, капитализм тогда не исчезнет; для этого потребуется еще много внутренней и мировой борьбы. Но эксплуатация примет более современные формы. Тогда японский рабочий класс сможет наравне со своими американскими и европейскими братьями по классу принять участие во всеобщей борьбе за свободу.

2. Возвышение Китая

Китай принадлежит к тем густонаселенным плодородным равнинам, омываемым великими реками, где необходимость централизованного регулирования воды для орошения и защиты дамбами уже в ранние времена привела к объединению под властью центрального правительства. Так продолжалось на протяжении тысячелетий. При сильном и заботливом правительстве земля давала богатые плоды. Но при слабом правительстве, когда чиновники пренебрегали своими обязанностями, когда губернаторы и князья устраивали гражданские войны, дамбы и каналы приходили в упадок, заиленные реки переполняли поля, голод и разбойники опустошали народ, и «гнев небес» обрушивался на землю. Население состояло в основном из трудолюбивых крестьян, старательно обрабатывающих свои небольшие участки. Из-за примитивной техники и отсутствия скота для пахоты, при тяжелейшем труде в течение долгих дней они могли добыть едва ли больше, чем на голодное существование. Небольшие излишки продукции забирали у них правящий класс землевладельцев, интеллигенции и чиновников — мандаринов. Поскольку обычно у них отбирали даже больше, они часто стояли на грани голода. Равнины были открыты на север, в центрально-азиатские степи, откуда приходили воинственные кочевники, вторгаясь и завоевывая. Завоевав землю, они стали новым правящим классом, сформировали своего рода аристократию, но вскоре были ассимилированы более высокой китайской цивилизацией. Так в средние века пришли монголы; так в XVII веке с северо-востока пришли маньчжуры, которые в XVIII веке распространили свою империю на всю Центральную Азию, но в XIX веке она пришла в упадок.

В многочисленных городах жил многочисленный класс мелких ремесленников и торговцев с пролетарским классом холопов внизу и зажиточным классом купцов над ними. Из морских портов, а также по караванным путям на запад через пустыни и горы экспортировались драгоценные изделия китайского происхождения: чай, шелк и фарфор, даже в Европу. Так появился средний класс, сравнимый с европейским по свободе инициативы в бизнесе. Но и в китайских крестьянах жил тот же дух независимости и самостоятельности, гораздо более сильный, чем в японских, глубоко ограниченных феодализмом. Если гнет чиновников, налогоплательщиков, помещиков или ростовщиков становился слишком тяжелым, вспыхивали восстания, иногда перерастающие в революции, против которых имущий класс искал защиты у иностранных военных держав; так в стране появились маньчжуры.

В XIX веке западный капитализм начинает атаковать и вторгаться в Китай. Строгий запрет на ввоз опиума привел к войне с Великобританией, 1840 год, и к открытию ряда портов для европейской торговли. Это число увеличивается в ходе более поздних войн и договоров; европейские купцы и миссионеры вторгаются в страну и используют и злоупотребляют своим особо охраняемым положением, разжигая ненависть населения. Дешевые европейские товары импортируются и подрывают домашнее ремесло; тяжелые военные контрибуции, наложенные на Китай, усугубляют налоговое бремя. Так вспыхивают революционные движения, такие как восстание тайпинов (1853-1864), имевших

собственного императора в Нанкине, и восстание боксеров в 1899 году; оба были подавлены с помощью европейской военной мощи, которая показала себя варварами, разрушителями старой китайской культуры. Когда война с Японией обнажает китайское бессилие, все западные державы, включая Японию, захватывают ее части в качестве «концессий», разрывая ее на «сферы влияния». Иностраный капитал строит несколько железных дорог и устанавливает фабрики в больших портовых городах; китайский капитал тоже начинает принимать участие. И вот устаревшая маньчжурская династия рушится в 1911 году, и на смену ей приходит китайская республика, провозглашенная в Нанкине, но в действительности это правление губернаторов провинций и генералов, так называемых «военных лордов», часто выскочек, бывших бандитских вождей, которые теперь со своими бандами солдат в непрерывных войнах грабят страну.

Для возникновения китайского капитализма имелись все необходимые элементы: класс состоятельных или даже богатых купцов в городах, в основном агентов иностранного капитала, которые могли развиваться в современную буржуазию; многочисленный класс бедных городских пролетариев и ремесленников с низким уровнем жизни; и огромное население в качестве покупателей. Западный коммерческий капитал, однако, не был движущей силой развития к более высокой производительности; он эксплуатировал примитивные формы отечественной промышленности для получения коммерческой прибыли и обеднял ремесленников своим импортом. Поэтому господствующему положению западного капитала, стремившегося превратить Китай в колонию, необходимо было дать отпор путем организации китайских сил. Эта организационная работа выпала на долю молодых интеллигентов, которые учились в Англии, Франции, Америке или Японии, впитывали западную науку и западные идеи. Одним из первых ораторов был Сунь Ятсен, в прошлом заговорщик, преследуемый маньчжурским правительством, известная фигура в европейских социалистических кругах, затем первый президент Китайской республики. Он разработал программу национального единства, смесь демократии среднего класса и диктатуры правительства, и после своей смерти в 1925 году стал своего рода святым нового Китая. Он основал Гоминьдан, политическую организацию и ведущую партию поднимающейся китайской буржуазии.

Сильный импульс был получен от русской революции. В 1920 году студенты в Париже и рабочие (в основном шахтеры, железнодорожники, наборщики и муниципальные служащие) в Шанхае и Кантоне основали Китайскую коммунистическую партию [далее К.П. – прим. ред.]. Начались крупные забастовки против преимущественно иностранных работодателей, и благодаря своей образцовой солидарности рабочие смогли добиться уступки многих своих требований могущественному капиталу; часто, однако, борьба приводила к кровавым репрессиям со стороны военных баронов. Теперь и буржуазия воспрянула духом; в последующие годы Гоминьдан вступил в союз с коммунистической партией и с Россией. Конечно, китайская буржуазия не исповедовала никакой склонности к коммунистическим идеям, но она чувствовала, что такой союз дает массу преимуществ. Просто позволив им кричать о свободе и коммунизме, она получила в свое распоряжение наиболее активные группы рабочих и восторженных молодых интеллигентов, а также нашла в Москве опытных русских организаторов в качестве «советников», которые руководили ее борьбой и обучали ее кадры. Более того, Россия дала ему именно те лозунги, которые были необходимы для освобождения от тисков всемогущего западного империализма: доктрину мировой

революции против мирового капитала, особенно против его главного выразителя — английской мировой державы. Вскоре движения бойкота и забастовки, проводимые под строгим контролем, подорвали европейский бизнес и торговлю; резкое антииностранное настроение захлестнуло страну; из внутренних районов страны испуганным стадом хлынул поток белых миссионеров, торговцев и агентов, бежавших в морские порты под защиту пушек военных кораблей. Из Кантона в 1926 году на Север отправилась экспедиция, отчасти военный поход, отчасти интенсивная националистическая пропагандистская кампания, «поливавшая своих лошадей в реке Янцзы», преследовавшая военных владык или принуждавшая их присоединиться, и объединившая Центральный и Южный Китай в одно государство со столицей в Нанкине.

Но теперь давно тлеющая и все время подавляемая борьба классов вырвалась наружу. Рабочие крупных городов, особенно промышленные рабочие Шанхая, империи Востока, восприняли коммунизм в его пролетарском смысле, как классовую борьбу рабочих. Их зарплаты едва хватало на утоление прямого голода, их рабочее время составляло 14-16 часов ежедневно; теперь они пытались поднять свои жалкие условия путем забастовок, несмотря на то, что российская пропаганда всегда учила коалиции с буржуазией. К.П. Китая была проинструктирована из Москвы, что китайская революция — это революция среднего класса, что буржуазия должна быть будущим правящим классом, и что рабочие просто должны помочь ей в борьбе с феодализмом и привести ее к власти. К.П. последовала этому уроку и поэтому полностью пренебрегла организацией и вооружением рабочих и крестьян против буржуазии. Она поддерживала Гоминьдан, даже когда эта партия приказала генералам подавить крестьянские восстания; поэтому коммунистические боевики оказались в растерянности, колеблясь между противоречивыми классовыми чувствами и партийными командами. Массовые выступления, вспыхнувшие в Кантоне и Шанхае, были подавлены в крови гоминьдановскими войсками Чан Кайши, финансируемыми для этой цели китайскими и международными банкирами. Начались резкие гонения на коммунизм, тысячи его выразителей и боевиков были уничтожены, русские «советники» отправлены на родину, рабочие организации истреблены, а во главе правительства встали наиболее реакционные слои буржуазии. Это были в основном группы богатых купцов, чьи интересы как агентов иностранного торгового и банковского капитала были связаны с этим капиталом и сохранением старых условий.

Тем временем коммунизм распространился по всей стране. За все эти годы анархии положение крестьян становилось все хуже и хуже. Помещики и сборщики налогов обдирали их до нитки; военные лорды часто требовали налогов на долгие годы вперед, а когда их изгоняли другие, которые снова требовали тех же налогов, их благополучно сбрасывали в иностранный шанхайский банкирский дом. Никто не позаботился о каналах и дамбах; из-за наводнений и последовавших за ними голода и моровой язвы погибли бесчисленные миллионы людей. За несколько кусков хлеба голодные крестьяне продавали свою землю набитым до отказа барыгам и ростовщикам и скитались по стране как нищие или грабители. В таких условиях коммунизм в его русской большевистской форме рабоче-крестьянской республики без капиталистов, помещиков и ростовщиков был воспринят на ура и быстро прогрессировал в самых бедствующих провинциях. В то же время, когда коммунизм был уничтожен в городах, он поднялся в сельской местности в виде мощного крестьянского восстания. Там, где он завоевал власть, он уже начал изгонять помещиков, делить их землю

между крестьянами и устанавливать советскую власть. Часть армий, состоящая в основном из рабочих и крестьян, к которым присоединились их офицеры, в основном интеллигенты, сочувствующие народному движению, восстали против реакционной политики Гомиьндана и образовали ядро Красной Армии.

Начавшаяся гражданская война велась гомиьндановским правительством как кампания против «коммунистических бандитов», которых клеймили за всевозможные зверства — несомненно, восставшие крестьяне часто были далеко не мягки по отношению к своим мучителям — и которых необходимо было уничтожить, прежде чем станет возможным единство нации. Со стороны крестьян это была упорная и героическая защита своей осажденной главной территории в юго-восточных провинциях Цзянси и Хунань. Каждый год, начиная с 1930 года, война на уничтожение возобновляется со все более крупными армиями, и каждый раз она срывается благодаря превосходному мастерству, несгибаемому мужеству и самоотверженному энтузиазму красных войск, которые в осторожной и бесстрашной партизанской борьбе должны были отвоевывать свое оружие у разгромленных вражеских полков. Тем временем Япония использует это взаимное уничтожение китайских военных сил, оккупируя последовательно Маньчжурию и северные провинции.

В чем может быть причина того, что китайская буржуазия так яростно воевала с крестьянами и тем самым растрачивала свои военные и финансовые ресурсы? Если говорить кратко о китайской буржуазии, то следует иметь в виду, что этот класс значительно отличается от буржуазии Европы, так что идеи, инстинктивно ассоциирующиеся с этим классом, не во всем применимы здесь. В Европе поднимающаяся буржуазия, класс промышленных и торговых работодателей и капиталистов, в ходе социальной революции, при поддержке крестьян, должна была сломить политическое господство дворянства, владеющего землей. В Китае этот антагонизм отсутствует; буржуазия сама была классом землевладельцев, и от нее произошли правящие чиновники. Из-за отсутствия быстро развивающейся промышленности богатые городские купцы и предприниматели вкладывали свои деньги в землю, и рента была таким же важным источником их дохода, как и прибыль; наоборот, землевладельцы уезжали в город, чтобы открыть свое дело. В них сочетались характеры двух противоположных европейских классов. Таким образом, борьба крестьян нашла свое наиболее подходящее выражение в коммунистическом лозунге борьбы против капитализма. В характере помещичьего подчинения и эксплуатации крестьянства был жизненный интерес китайской буржуазии; ее самые глубокие чувства были затронуты земельной экспроприацией красных советов. Поэтому консервативные элементы этого класса, которые сначала не доверяли Гомиьндану как замаскированной красной организации, как можно скорее изгнали коммунистов и превратили его в инструмент реакционной политики среднего класса. Они почувствовали недостаток сил у китайского правительства, чтобы навести порядок в хаосе: поэтому они обратились за поддержкой к самой сильной антикоммунистической державе — Японии. Япония, стремясь к господству над ресурсами, минеральными богатствами и рабочей силой Китая, выступила в качестве защитника интересов землевладельцев против восставших масс. В каждом следующем договоре она навязывала китайскому правительству обязанность уничтожить коммунизм.

Против этого консерватизма существовала, однако, противоположная тенденция, особенно среди мелкой буржуазии и интеллигенции. Они предвидели и представляли будущее; оно

выражало не то, чем буржуазия была до сих пор, а то, чем она будет и должна быть. Ее представители понимали, что зажиточный класс крестьян с покупательной способностью является главным и необходимым условием для мощного развития капиталистической промышленности в Китае. Их сознание среднего класса инстинктивно понимало, что все эти землевладельцы и ростовщики представляют собой осколок феодализма, преграждающий путь к будущему развитию Китая; и что свободное землевладельческое крестьянство принадлежит к миру среднего класса и составит его прочную основу. Таким образом, рядом с консервативной тенденцией и в противоположность ей среди поднимающейся китайской буржуазии существовало сильное демократическое течение мысли. Оно было сильно националистическим; японская агрессия, захват драгоценных провинций на Севере и надменная жестокость японского милитаризма наполняли его негодованием. Оно желало закончить гражданскую войну уступками крестьянам, чтобы объединить все силы в общем сопротивлении японскому империализму.

Пять лет продолжалась кампания по уничтожению в Цзянси и, в меньших масштабах, в других провинциях, но без успеха. Коммунистические войска прочно укоренились в крестьянском населении, среди которого они вели широкую просветительскую пропаганду и из которого к ним постоянно прибывали новые силы. Когда, наконец, их положение против осаждающих превосходящих сил, умело руководимых немецкими военными советниками, стало несостоятельным, они прорвали железное кольцо и вторглись в юго-западные провинции. Затем в 1934 году Красная Армия начала свой знаменитый долгий марш через высочайшие, почти непроходимые горные перевалы, через самые бурные и опасные реки, через бесконечные болотистые степи, через экстремальные жару и холод, всегда окруженная и атакованная лучше оснащенными превосходящими силами белых, пока после тяжелых лишений, героической борьбы и тяжелых потерь она не прибыла, год спустя, в северо-западные провинции, где в Шэнси было организовано новое советское правительство.

Но теперь, в это время, тактика и цели изменились. Не против капитализма и помещиков была направлена борьба коммунистов в первую очередь, а против Японии и японского империализма. Ещё до начала своего долгого марша К.П. Китая публично предложила Гомиьдану прекратить гражданскую войну для совместной борьбы с японской агрессией, в этом случае она прекратит экспроприации и будет уважать существующие права собственности в обмен на социальные реформы и демократические права народа. Но это предложение не было рассмотрено.

Это изменение тактики было подвергнуто резкой критике в других странах как оппортунистический отказ от коммунистических принципов. Такая критика, однако, основана на ложном предположении, что К.П. была партией промышленных рабочих, эксплуатируемых крупным капитализмом. Китайская К.П., а тем более Красная Армия, состоит из восставших крестьян. Не название, наклеенное снаружи на ярлык, а классовый характер определяет реальное содержание мыслей и действий. Руководители партии прекрасно видели, что японская военная мощь — самая опасная угроза для китайских крестьян, что коалиция китайской буржуазии с Японией сделает их освобождение невозможным. Поэтому необходимо было разделить их и направить весь военный и экономический потенциал Китая против Японии. Для красных лидеров идеалом будущего

был демократический Китай среднего класса со свободными крестьянами в качестве собственников или, по крайней мере, зажиточных земледельцев. Под коммунистическими идеями и лозунгами они были глашатаями и поборниками капиталистического развития Китая.

Из этих тенденций с обеих сторон возникла новая политика в драматической форме захвата в декабре 1936 года в Сиани генералиссимуса Чан Кайши собственными маньчжурскими войсками правительства, которые хотели воевать с японцами, а не с красными. Националистический лидер, невольно общаясь с коммунистическими лидерами, мог убедиться, что они такие же националисты и представители среднего класса, как и он сам, и готовы отдать себя под его командование в войне с Японией. Когда же гражданская война прекратилась и наиболее реакционные лидеры были выведены из правительства, Япония сразу же осознала последствия и начала войну с сильной атакой на Шанхай. Китай с его неразвитой инфраструктурой покоя на первый взгляд не мог сравниться с огромной, тщательно подготовленной военной техникой Японии. Но у него уже были обученные армии, он был полон сильного националистического духа, и он получал военные материалы из Англии и Америки. Конечно, армии пришлось уступить, правительству отступить в Чунцин в юго-западной провинции Сычуань, а японские войска заняли восточные города. Но за их спиной вставали все новые и новые армии партизан и истощали их силы. Пока в 1941 году, после почти двухлетней войны в Европе, не разразился долгожданный конфликт между Америкой и Японией, вызванный ультиматумом Америки о том, что Япония должна покинуть Китай. Таким образом, китайская война стала частью мировой войны.

Эта мировая война означает подъем Китая как новой капиталистической мировой державы. Не сразу в качестве независимой державы наравне со своими союзниками, Россией с одной стороны и Америкой с другой, хотя по численности населения он превосходит их обоих. Ее экономическая и политическая зависимость от Америки, которой она сильно задолжала из-за военных поставок, будет означать новое будущее; американский капитал будет играть ведущую роль в развитии ее промышленности. На передний план выдвигаются две великие задачи: строительство железных и автомобильных дорог в сочетании с производством двигателей и автомобилей для модернизации примитивного дорогостоящего транспорта и внедрение механической силы в сельское хозяйство для освобождения человека от бремени и повышения эффективности его труда. Для выполнения этих задач необходима крупная металлургическая промышленность. Китай обладает всеми ресурсами, необходимыми для капиталистического развития. У него есть уголь, железо и другие полезные ископаемые, которых недостаточно для того, чтобы сделать его промышленной страной для экспорта, как Англия или Германия, но достаточно для собственных нужд. У нее плотное население, обладающее всеми качествами, необходимыми для капитализма: сильным индивидуализмом, кропотливым усердием, способностями, духом предпринимательства и низким уровнем потребностей. Кроме того, у нее плодородная почва, способная производить изобилие продуктов, но требующая обеспечения безопасности путем широкого научного ухода и регулирования воды, путем строительства дамб, выемки и нормализации рек.

Идеалы и цели, за которые борются трудящиеся массы Китая, конечно же, не будут реализованы. Помещики, эксплуатация и нищета не исчезнут; исчезнут лишь старые

застойные, примитивные формы нищеты, ростовщичества и угнетения. Производительность труда повысится; новые формы прямой эксплуатации промышленным капиталом заменят старые. Проблемы, стоящие перед китайским капитализмом, потребуют централизованного регулирования со стороны сильного правительства. Это означает формы диктатуры в центральном правительстве, возможно, дополненные демократическими формами автономии в небольших единицах района и деревни. Внедрение механической силы в сельское хозяйство требует объединения мелких участков в крупные производственные единицы; путем ли постепенной экспроприации мелких крестьян, или путем создания кооперативов или колхозов по российскому образцу, будет зависеть от относительной силы противоборствующих классов. Это развитие не может не привести к глубоким изменениям в экономических, а тем самым и в социальных отношениях, духовной жизни и старой структуре семьи. Однако масштабы происходящего там, страны, населения, его нищеты, его традиций, его старой культурной жизни настолько колоссальны, что изменение условий, даже если взяться за него с максимальной энергией, займет многие десятки лет.

Интенсивность такого развития экономических условий будет возбуждать энергию и стимулировать активность классов. В соответствии с капитализмом одновременно возникнет борьба против капитализма. С ростом промышленности возникнет борьба промышленных рабочих. Учитывая сильный дух организации и великую солидарность, которую так часто демонстрируют китайские пролетарии и ремесленники, можно ожидать даже более быстрого, чем в Европе, подъема мощного движения рабочего класса. Конечно, промышленные рабочие останутся меньшинством по сравнению с массой аграрного населения, в равной степени подвергающегося капиталистической эксплуатации, хотя и в другой форме. Механизация сельского хозяйства, однако, сплетет между ними прочные узы, проявляющиеся в общности интересов и борьбы. Поэтому характер борьбы за свободу и господство может принять в Китае во многих отношениях иной аспект, чем в Западной Европе и Америке.

3. Колонии

Когда полвека назад рос социализм, общим ожиданием было то, что освобождение колониальных народов произойдет вместе с освобождением рабочих. Колонии там и рабочие здесь эксплуатировались одним и тем же капитализмом; поэтому они были союзниками в борьбе против общего врага. Правда, их борьба за свободу не означала свободу для всего народа; она означала подъем нового правящего класса. Но даже тогда было общепризнанным, лишь изредка вызывающим сомнения, что рабочий класс в Европе и поднимающаяся буржуазия в колониях должны быть союзниками. Для коммунистической партии это было еще более очевидным; это означало, что новый правящий класс России рассматривал будущие правящие классы в колониях как своих естественных друзей и пытался им помочь. Конечно, силы колониального освобождения были еще слабы. В Индии, с ее 300 миллионами населения, постепенно развивалась промышленность и класс работодателей, что дало основу для движения за независимость, которое, однако, страдает от большого разнообразия рас и религий. 50-миллионное население Явы почти однородно, но полностью аграрно, и оппозиция до недавнего времени была ограничена небольшими группами интеллигенции.

Эти колониальные народы не являются дикарями или варварами, как племена центральной Африки или жители отдаленных индийских островов. Они живут плотной толпой в плодородных районах с высокоразвитым сельским хозяйством. Часто они имеют тысячелетнюю цивилизацию; существует разделение между правящим классом жрецов и дворян, тратящих свою часть общего продукта на зачастую утонченную художественную и духовную культуру, и поработанными массами тяжело эксплуатируемых крестьян. Иностранные воинственные народы вторгались в Индию и формировали новые верхние социальные слои; непрекращающиеся войны между крупными и мелкими князьями сдерживали рост населения. Главным занятием было сельское хозяйство; поскольку в течение многих месяцев сельскохозяйственный труд должен был передыхать, в деревнях существовало также важное кустарное производство. Это ремесло, художественное и высокоразвитое, различающееся в зависимости от природных ресурсов, сырья и наследственных задатков в разных регионах, производило большое количество товаров на экспорт. Хлопчатобумажные изделия, тонко окрашенные ткани с различными рисунками, шелковые изделия, изделия ювелиров и медные изделия, красиво украшенные мечи составляли содержание обширной торговли через Южную и Восточную Азию и далеко на Запад, даже в Европу. Здесь драгоценные цветные текстильные изделия с Востока, главным образом из индийской деревенской промышленности, составляли основную часть средневековых перевозок, производили материалы для одежды принцев, знати и богатой буржуазии вплоть до XVIII века и приносили непрерывный поток золота из Европы в Индию.

Против вторгшегося европейского капитализма индийские страны, в основном разделенные на мелкие государства, вскоре оказались бессильны. Вооруженные западные торговые суда начали насильственно монополизировать всю торговлю индийских морей с ее огромными

прибылями. Затем прямые завоевания и грабежи принесли накопленные богатства восточных сокровищниц в руки западных чиновников и авантюристов и способствовали в Англии в XVIII веке формированию капитала, необходимого для промышленной революции. Еще более важной была регулярная эксплуатация путем принудительной доставки ценных продуктов — с Молуккских островов пряности, с Явы перец, индиго, сахар, за которые почти ничего не платили, несколько грошей за то, что в Европе приносило сотни флоринов. Населению приходилось тратить много времени и земли на производство этих продуктов на экспорт, не оставляя достаточно средств для собственного пропитания; результатом были голод и восстания. Или же на население Индии были наложены тяжелые налоги, чтобы обеспечить высокие доходы для паразитического класса английских чиновников и набобов. В то же время Англия использовала свою политическую власть, чтобы запретить, в интересах ланкаширской хлопчатобумажной промышленности, экспорт индийских текстильных изделий. Таким образом, процветающая индийская кустарная промышленность была уничтожена, а крестьяне еще больше обнищали. В результате в XIX веке, да и по сей день, для большинства крестьян жизнь — это непрерывное состояние голода. Голод и мор, ранее неизбежные местные явления, теперь происходят в опустошенных больших регионах и все чаще. Но и в обычное время в деревнях и городских трущобах царит бедственное положение, худшее, чем когда-либо в Европе.

Суть колониальной политики — эксплуатация чужих стран при сохранении примитивных форм производства или даже снижении их производительности. Здесь капитал не является революционным агентом, развивающим производство до более высоких форм, а как раз наоборот. Европейский капитал выступает здесь как агент растворения, разрушающий старые формы труда и жизни, не заменяя их более совершенными технологиями. Европейский капитал, подобно вампиру, вцепляется в беззащитные тропические народы и сосет их жизненную кровь, не заботясь о том, поддаются ли жертвы.

Западная наука, конечно, показывает, что господство европейцев над колониями основано на природе, следовательно, является необходимостью. Основой служит разница в климате. В прохладном и умеренном климате человек может добывать себе пропитание у природы только постоянным напряжением сил; температура позволяет усердно трудиться, а непостоянство явлений, нерегулярная смена бури и дождя на солнечный свет стимулирует энергию к беспокойной деятельности. Труд и энергия стали евангелием белой расы; так она получила свои превосходные знания и технику, которые сделали ее хозяином земли. В жарких тропических и субтропических странах, напротив, природа сама по себе или при незначительном труде приносит обильные плоды; здесь жара превращает любое непрерывное усилие в мучение. Здесь могло возникнуть изречение, что есть свой хлеб в поте лица своего — самое страшное проклятие для человека. Монотонная одинаковость погоды, прерываемая лишь при смене времен года, угашает энергию; белые люди, оставаясь слишком долго в тропиках, тоже подвергаются этим влияниям, которые делают лень главной характеристикой, а нирвану — высшим идеалом. Теоретически эти научные сентенции, несомненно, верны. Но на практике мы видим, что индийские и яванские крестьяне обрабатывают землю и занимаются ремеслом с неослабевающим усердием и кропотливой усидчивостью. Конечно, не в нервном темпе современного фабричного труда; экономическая необходимость определяет характер их труда.

Западная буржуазия считает свое господство над колониями естественным и прочным положением вещей, идеализируя его в виде разделения задач, выгодного для обеих сторон. Энергичная, разумная раса из прохладного климата, говорит она, служит лидерами производства, в то время как ленивые, небрежные цветные расы выполняют под их командованием неинтеллектуальный ручной труд. Таким образом, тропические продукты, незаменимое сырье и важные деликатесы вливаются в мировую торговлю. А европейский капитал получает свои заслуженные прибыли, потому что своим правительством он обеспечивает фаталистичным аборигенам жизнь, безопасность, мир и, благодаря своему медицинскому обслуживанию и гигиеническим мерам, здоровье. Предположим, что эта идиллия отеческого правительства, честная иллюзия или обманчивая болтовня теоретиков и чиновников, так же верна, как и невозможна в действительности при капиталистическом правлении, то все равно перед ним встанет неразрешимая дилемма: если в результате прекращения войн, эпидемий и детской смертности население увеличивается, то возникает нехватка пахотных земель, несмотря на все ирригации и мелиорации, которые только откладывают конфликт. Индустриализация для экспорта, которая, вообще говоря, является неестественным выходом для самых плодородных земель, может дать лишь временное облегчение. В такое конечное состояние должно прийти каждое население, которое, управляемое сверху, предоставлено собственным жизненным инстинктам. Каждая экономическая система развивает свою собственную систему увеличения населения. Если самодержавным правлением сверху подавляется чувство ответственности, то гаснет всякая активная сила самоограничения и самоуправления над условиями жизни. Надвигающееся столкновение между ростом населения и ограничением средств существования может найти свое решение только в сильном проявлении внутренней энергии и силы воли народа, как следствие его самодостаточности и свободы или активной борьбы за свободу.

В конце XIX века и в последующие годы колонии эксплуатируются уже не торговым капиталом. Капиталистические предприятия появляются во все большем количестве: частично сельскохозяйственные и горнодобывающие предприятия для выращивания каучука, кофе, чая, для добычи нефти, олова и других металлов, частично промышленные или смешанные предприятия для обработки тропического сырья, такие как текстильные или сахарные фабрики. В основном это европейский капитал, получающий высокие прибыли от этой эксплуатации. В Индии, где в таких городах, как Бомбей, жил класс богатых купцов, они также принимают участие и представляют собой первый пример современной индийской буржуазии. Эта индийская промышленность состоит почти исключительно из текстильных фабрик; и из всех текстильных товаров, потребляемых в Индии, почти 60 процентов импортируется из Англии и Японии, 20 процентов поступает от кустарной промышленности, и только 20 процентов обеспечивается индийскими фабриками. И все же демонстрация и внедрение аспектов современной работы и жизни является достаточным вдохновением для националистического движения за сброс ига западных правителей. Его выразителями является интеллигенция, особенно молодое поколение, которое знакомо с западной наукой, и в противовес ей изучает и подчеркивает с твердой убежденностью свою собственную национальную культуру. Они глубоко уязвлены расовым высокомерием белых, которые допускают их только на низшие должности; они выступают как лидеры угнетенных масс, вовлекая их в борьбу за независимость. Поскольку наглое богатство правителей так резко контрастирует с ничтожными страданиями масс, это несложно. Хотя пока борьба может быть только мирной пропагандой, пассивным сопротивлением и несотрудничеством,

т. е. отказом от сотрудничества с английским правительством, она будоражит общественное мнение в Англии, внушая такое опасение тамошним правителям, что они прибегают к туманным обещаниям самоуправления и одновременно к резким преследованиям. Движение, конечно, еще слишком слабо, чтобы сбросить господство западного капитализма. На капиталистических фабриках формируется класс промышленных рабочих с крайне низкой заработной платой и невероятно низким уровнем жизни; забастовки происходят как против индийских, так и против европейских работодателей. Но по сравнению с огромным населением все это — незначительное начало, важное лишь как указание на будущее развитие.

В условиях нынешней мировой войны колониальная эксплуатация, как и проблема освобождения, приобретает новый аспект. Против непомерно растущей мощи капитализма борьба за независимость в ее старом значении уже не имеет никаких шансов. С другой стороны, есть вероятность, что отныне мировой капитал под американской гегемонией будет выступать в качестве революционного агента. С помощью более рациональной системы эксплуатации этих сотен миллионов людей капитал сможет значительно увеличить свои прибыли; идя по другому пути, чем прежние примитивные, обнищавшие методы грабежа, поднимая труд в колониях на более высокий уровень производительности, улучшая технику, совершенствуя транспорт, вкладывая больше капитала, социальное регулирование и прогресс в образовании. Все это невозможно без предоставления колониям значительной доли независимости или, по крайней мере, самоуправления.

Самоуправление в колониях, в Индии и на Малайских островах уже объявлено. Это означает, что парламенты в Европе и присланные оттуда наместники больше не смогут управлять ими деспотически. Это не означает, что политически трудящиеся массы будут сами себе хозяевами, что как свободные производители они будут распоряжаться своими средствами производства. Самоуправление касается исключительно высших классов этих колоний; они не только будут введены в низшие звенья администрации, но и займут ведущие места, которым, конечно, будут помогать белые «советники» и эксперты, чтобы обеспечить правильное служение интересам капитала. Уже из высших классов Индии вышла довольно многочисленная группа интеллигенции, вполне способная в качестве правящих чиновников модернизировать политическую и социальную жизнь.

Чтобы охарактеризовать современное капиталистическое производство как систему, в которой рабочие по своей свободной ответственности и силе воли доводят себя до максимального напряжения, часто использовалось выражение, что свободный рабочий — это не холоп. Проблема Азии сейчас заключается в том, чтобы превратить холопа в свободного рабочего. В Китае этот процесс идет своим чередом; там рабочие старых времен обладали сильным индивидуализмом. В тропических странах будет гораздо труднее превратить пассивные угнетенные массы, находящиеся в глубоком невежестве и суеверии под тяжелым гнетом, в активных, хорошо обученных рабочих, способных работать с современным производственным аппаратом и силами. Таким образом, капитал сталкивается со многими проблемами. Модернизация государственного аппарата через самоуправление необходима, но нужно еще больше: возможность социальной и духовной организации и прогресса, основанного на политических и социальных правах и свободах, на здоровом общем обучении. Сможет ли и захочет ли мировой капитал следовать этим курсом,

предугадать невозможно. Если да, то тогда рабочие классы этих стран будут способны к самостоятельной борьбе за свои классовые интересы и за свободу вместе с западными рабочими.

Для всех народов и племен, живущих при примитивных формах производства в Африке, в Азии, в Австралии, это, конечно, будет означать полное изменение мира, когда рабочий класс уничтожит капитализм. Вместо жестких эксплуататоров и жестоких тиранов белая раса придет к ним как друзья, чтобы помочь им и научить их, как принять участие в прогрессивном развитии человечества.

4. Россия и Европа

Этой войной Россия, Федерация Социалистических Советских Республик, как она себя называет, вошла в число признанных капиталистических держав. В западных странах произошла полная перемена в оценке и отношении к России и большевизму. Конечно, первый страх перед коммунистической революцией и сопутствующая ему клевета уже постепенно угасли в правящих классах. Но все же они не были вполне спокойны за своих рабочих, а поскольку разговоры К.П. [Коммунистической партии] о мировой революции продолжались, сообщения о фальсифицированных зверствах и реальных жестокостях служили мотивом для исключения России из сообщества цивилизованных народов. Пока Россия не понадобилась им в качестве союзника против Германии, тогда настроения изменились, хотя сначала они выражались лишь в добром желании, чтобы обе диктатуры пожрали друг друга. Затем там они встретили правящих политиков, чиновников, генералов и офицеров, директоров фабрик, интеллигенцию, целый хорошо одетый, цивилизованный, обеспеченный класс, управляющий массами, как и у себя дома. Поэтому они были успокоены. Церковь держалась в стороне только из-за большевистской антирелигиозной пропаганды.

Сходство политических форм и методов правления в России и Германии бросается в глаза с первого взгляда. В обеих странах та же диктатура небольшой группы лидеров, опирающихся на мощную, хорошо организованную и дисциплинированную партию, то же всевластие правящей бюрократии, то же отсутствие прав личности и свободы слова, то же нивелирование духовной жизни в одну доктрину, поддерживаемую терроризмом, та же жестокость к оппозиции и даже критике. Экономическая основа, однако, отличается. В России — государственный капитализм, в Германии — частный капитализм, управляемый государством. В Германии существует многочисленный класс собственников средств производства, буржуазия, которая из-за трудности борьбы за мировую власть установила у себя тираническую диктатуру; она дополнена растущей бюрократией чиновников. В России бюрократия является хозяином средств производства. Соответствие в необходимых формах практического правления и администрирования, господство сверху, дало им ту же систему диктатуры.

Есть сходство и в характере их пропаганды. Обе используют идеологию общности, потому что обе представляют организованный капитализм против неорганизованного. Как в России антитеза старому капитализму была выражена в лозунге коммунизма, так в Германии — социализма. Это названия, под которыми в широкой пропаганде борьба за собственную власть против старых капиталистических держав внушается массам как борьба против капитализма. Таким образом, они представляют себя не просто как национализм, они провозглашают новые мировые принципы, пригодные для всех стран, которые должны быть реализованы путем мировой революции и мировой войны против выразителей старого порядка, английского и американского капитализма. Поэтому они находят приверженцев своего дела, последователей своей партии в странах своих противников, готовых подорвать

изнутри их силу сопротивления.

Как одинаковые враждебные соперники, они находят основу для своего противостояния в своем происхождении и вытекающих из него традициях. Нацизм пришел к власти как агент крупного капитализма, уничтожив старое рабочее движение, в сознательном резком антагонизме с «марксистскими» тенденциями социал-демократии и коммунизма. Только в своей стране она могла провозгласить себя партией трудящихся и навязать некритичным приверженцам этот обман с помощью террора-пропаганды. Российская идеология исходила непосредственно из революции, совершенной рабочими под коммунистическим знаменем, и апеллировала к марксистским доктринам, которые были приспособлены для ее целей; но только в зарубежных странах она могла найти веру в то, что она действительно представляет диктатуру рабочих. Здесь она могла навязываться молодежи, желающей бороться с капитализмом и эксплуатацией, тогда как национал-социализм везде считался подлинным врагом рабочих и находил сочувствие только среди верхов и низов буржуазии.

Внешняя политика русской революции была логическим следствием ее основных идей. Хотя социалистическое сообщество не имеет иных желаний, кроме как жить в мире с другими народами, оно подвергается опасности нападения со стороны капиталистических государств. Следовательно, оно должно готовиться к войне. Кроме того, высшей целью остается мировая революция, уничтожение капитализма во всем мире; только так, освободив трудящихся в других странах, социалистическое государство сможет обеспечить свою собственную свободу. Поэтому социалистическое государство вооружается и готовится к войне, не только к обороне, но и к нападению. И наивные идеалисты с удивлением воспринимают, что то, что казалось им мирной гаванью, оказывается силой для войны. И они спрашивают, действительно ли принуждение мечом может принести свободу другим.

Противоречие легко объяснимо. То, что называется государственным социализмом, раскрывается как государственный капитализм, господство нового эксплуататорского класса, бюрократии, хозяина производственного аппарата, как в других странах буржуазия. Она тоже живет за счет прибавочной стоимости. Чем больше ее сфера, ее власть, тем больше ее доля, ее богатство. Поэтому для этой бюрократии война приобретает такое же значение, как и для буржуазии. Она участвует в мировом соревновании держав наравне с другими государствами, но с претензией на роль мирового чемпиона рабочего класса. И хотя ввиду наличия союзных правительств она не может слишком много показывать, а временно даже заставляет молчать Коминтерн, она знает, что во всех зарубежных странах коммунистические партии работают от ее имени. Так начинает вырисовываться роль России в войне и после нее. За старыми, теперь уже обманчивыми целями расширения сферы коммунизма стоит реальность расширения собственной международной власти. Если немецкая буржуазия пытается направить свой курс в русло Англии и Америки, то рабочий класс, лишенный в течение долгих лет возможности найти свой собственный новый путь, может породить коммунистические партии как проводников русской гегемонии над среднеевропейскими регионами.

Эта политика и положение среди других капиталистических держав имеет своим основанием внутреннее изменение политики в самой России. Государственный капитализм укрепил свою власть в войне и через войну, что стало завершением предшествующего

развития. После революции шла непрерывная борьба между социально значимыми группами. Во-первых, государственная бюрократия с коммунистической партией в качестве ее органа, будучи хозяином промышленного производства, в тяжелой борьбе подчинила себе крестьян в своей кампании по созданию колхозов. Кроме них, однако, были офицеры армии и многочисленные технические специалисты и чиновники на заводах, обычно называемые инженерами. Они выполняли важную функцию технических руководителей производства, имели свой профсоюз и были в основном беспартийными. Известные судебные процессы над инженерами по сфабрикованным обвинениям в саботаже были одним из эпизодов негласной борьбы; они были осуждены не потому, что совершили вменяемые им преступления, а для устрашения и пресечения любых попыток независимых политических действий. Точно так же на суде над генералом Тухачевским и другими офицерами все элементы, от которых опасались самостоятельных действий, были расстреляны и заменены другими. Таким образом, политическая бюрократия оставалась хозяином, но она должна была считаться с другими группами.

Война сделала объединение всех этих сил необходимым и в то же время возможным на основе сильного национализма, стремящегося к экспансии. В предшествующие годы были провозглашены некоторые так называемые реформы, хотя из-за отсутствия свободы слова и свободы печати они не имели никакого значения для трудящихся масс; теперь они могли дать возможность беспартийным людям принять участие в работе аппарата управления. Партийное правление и Коминтерн были отодвинуты на задний план. Теперь при прочно консолидированном правящем классе массы, как и в любом капиталистическом государстве, можно было вести на фронт в хорошо дисциплинированных гигантских армиях.

В то же время война привела к росту духовного влияния большевизма в Западной Европе. Не среди буржуазии; теперь, когда организованный крупный капитализм становится хозяином мира, у него нет ни малейшей склонности освободить место для государственного капитализма. Не очень много среди рабочих; вначале принудительное признание коммунистических партий правительствами может повысить ее авторитет среди рабочих с преобладанием национализма; но ее поддержка правительственной политики, как бы она ни маскировалась кажущейся дикой оппозиционной болтовней, скоро дискредитирует ее среди сражающихся масс рабочего класса. Среди западной интеллигенции, однако, русский большевизм привлекает все больше внимания.

Под властью крупного капитализма именно класс интеллигенции держит в своих руках техническое руководство производством и духовное руководство обществом. Теперь он начинает спрашивать — в той мере, в какой он не занят полностью своей узкой личной работой, — почему акционеры и биржевые дельцы должны иметь верховную власть над производством. Он чувствует себя призванным возглавить общественное производство как организованный процесс, сбросить господство паразитической буржуазии и управлять обществом. Он разделен, однако, на ряд высших и низших рангов, расположенных в зависимости от полезности или чего другого; они образуют лестницу, по которой во взаимном соперничестве можно подняться благодаря амбициям, способностям, благосклонности или хитрости. Низшие и плохо оплачиваемые чины среди них могут присоединиться к борьбе рабочего класса против капитала. Его высшие и ведущие элементы, разумеется, враждебны любой идее господства рабочих над процессом

производства. Их выдающиеся мыслители и ученые, часто утонченные или гениальные духом, остро чувствуют угрозу своему превосходству от призрака всеобщего «выравнивания». Интеллигенция прекрасно понимает, что ее идеал общественного устройства не может существовать без сильного аппарата власти, сдерживающего частный капитал, но в первую очередь сдерживающего трудящиеся массы. Им нужна умеренная диктатура, достаточно сильная, чтобы противостоять попыткам революции, достаточно цивилизованная, чтобы доминировать над массами духовно и обеспечить цивилизованным людям рациональную свободу слова и мнений; во всяком случае, без грубого насилия, которое сделало национал-социализм объектом ненависти во всей Европе. Свободная дорога для одаренных, и общество во главе с интеллектуальной элитой — таков социальный идеал, восходящий в этом классе.

Они видят, что в российской системе это реализовано в достаточной степени, хотя и вперемешку с варварскими пережитками. И русские прилагают все усилия для продвижения таких идей. Уже вскоре после революции были организованы научные конгрессы, на которых собравшиеся ученые из всех стран были царственно развлечены — хотя в стране их было мало — и получили самое благоприятное впечатление от молодого энтузиазма и свежей энергии, которую новое общество дало науке и технике. О соловецких лагерях, где депортированные крестьяне и рабочие подвергаются жестокому обращению до самой смерти, им, конечно, ничего не показывали, не знали они и о смертоносном каторжном труде миллионов жертв в ледяных дебрях Сибири; вероятно, они не встречались даже с простыми «чернорабочими» на заводах. Такой вдохновляющий опыт не мог не произвести сильного впечатления на молодых западных интеллектуалов; то, что просачивалось о зверствах, легко стиралось великолепием растущих показателей производства в мировой пропаганде К.П. А теперь военные успехи русских армий укрепляют образ России как энергичного цивилизованного современного государства.

Таким образом, мы можем кое-что предположить о будущем России и большевизма в Европе. В своем антагонизме к западным державам частного капитализма, Англии и Америке, ее идеология может служить ценным оружием для подрыва прочной власти их буржуазии, возбуждая, в случае необходимости, против нее оппозицию рабочего класса. Как признанная респектабельная партия, К.П. будет пытаться завоевать влиятельные посты в политике, либо в конкуренции, либо в сотрудничестве с социал-демократией; кажущейся демонстрацией искрометных оппозиционных разговоров она стремится привлечь в свои ряды рабочих, чтобы удержать их от самостоятельного пути к свободе. Как это уже происходит сейчас, она попытается, с помощью квазинаучной пропаганды среди интеллектуалов, привлечь их на сторону какого-нибудь большевистского диктаторского правительства и украсить его, может быть, знаком мировой революции.

Более непосредственным и важным будет влияние России на Центральную Европу. Вслед за уничтожением военной мощи приходит экономическое рабство. Чтобы возложить как можно больше тягот на побежденного врага, через необходимость восстановления и компенсации неизмеримых бессмысленных разрушений и грабежей немецких армий, не только все имущество, насколько оно осталось, будет конфисковано, но и все народы, насколько они остались, будут запряжены под ярмо каторжного труда. Победители, вероятно, не оставят, как после первой мировой войны, немецкой буржуазии владение производственным

аппаратом и управление страной.

Итак, прежде чем центральноевропейские рабочие смогут эффективно бороться за свое дело, должны произойти глубокие изменения в их мышлении и воле. Перед ними стоит не только грозная физическая сила победившего мирового капитализма, но они столкнутся также с чрезвычайными трудностями в сопротивлении духовным силам большевизма с одной стороны, национализма с другой, чтобы найти ясный путь к своей классовой задаче. В эту борьбу они должны вовлечь российских рабочих. Российский государственный капитализм также истощен и разорен войной; чтобы восстановить себя, ему придется сильнее давить на рабочих. Поэтому русские рабочие будут вынуждены принять борьбу за свободу, за освобождение из рабства, как новую великую задачу, как и рабочие всего мира.

5. В бездну

Вторая мировая война ввергла общество в бездну, более глубокую, чем все предыдущие катастрофы. В первой мировой войне противоборствующие капитализмы выступали друг против друга как державы старой формы, ведущие войну в старых формах, только в большем масштабе и с более совершенной техникой. Теперь война перевернула внутренние структуры государств, и возникли новые политические структуры; теперь война — это «тотальная война», в которую втянуты все силы общества как его подчиненные средства.

В этой войне и благодаря ей общество отброшено на более низкий уровень цивилизации. Это происходит не столько из-за огромных жертв жизни и крови. На протяжении всего периода цивилизации — т. е. периода письменной истории и разделения общества на эксплуатирующие и эксплуатируемые классы, между первобытным племенным бытом и будущим всемирным единством человечества — война была формой борьбы за существование. Поэтому вполне естественно, что последние мировые бои, перед окончательной консолидацией, объединяющей все народы, должны носить более громкие имена и быть более кровопролитными, чем все прежние войны.

Что делает её регрессивной, так это, во-первых, отход от военных и юридических норм, которые в XIX веке придавали войне некую видимость гуманности. Враги номинально рассматривались как равные люди и солдаты, признавались политические права побежденных или оккупированных стран, уважались национальные чувства; гражданское население обычно стояло вне боевых действий. В международных договорах о «законах войны» эти принципы были одобрены, и как бы часто их ни нарушали, они выступали в качестве международного права, к которому можно было апеллировать против произвола победителя. Тотальная война попирает все эти клочки бумаги. Не только конфискуются все запасы и вся промышленность ставится на службу завоевателю, не только военнопленных заставляют работать на врага, но и в еще больших масштабах все население оккупированных областей насильно, в условиях настоящей охоты за рабами, тащат на работу в немецкую военную промышленность. Таким образом, производя оружие для врага, они вынуждены помогать ему против своего собственного народа; в то же время они освобождают рабочих врага для работы на фронте. Теперь, когда война стала вопросом промышленного производства, рабский труд становится одной из основ ведения войны.

Естественно, что в оккупированных странах — половине Европы — возникло сопротивление, и естественно, что оно было жестоко подавлено, даже если оно состояло лишь из первых предварительных признаков. Неестественно, однако, что в ходе подавления была достигнута такая высота жестокости, которая сначала проявилась в грубом обращении с еврейскими гражданами и их уничтожении, а затем распространилась на всю национальную оппозицию. Немецкий солдат, сам являясь невольным рабом диктаторского аппарата, превращается в хозяина и орудие угнетения. Как грязная зараза, привычка к насилию и бесчинствам распространяется по континенту, пробуждая огромную ненависть к немецким

оккупантам.

В прежних войнах оккупация чужой страны считалась временной ситуацией, и международное право выражалось таким образом, что оккупант не имел права ничего менять в основном законе страны и брал в свои руки управление лишь постольку, поскольку этого требовали условия войны. Однако теперь Германия повсюду вмешивалась в существующие институты, пытаясь навязать национал-социалистические принципы, выдавая это за начало новой эры для всей Европы, в которой все остальные страны в качестве союзников, то есть вассалов, должны были следовать за Германией. Она нашла себе прислужников в лице небольшого числа иностранных приверженцев своего вероучения и еще большего числа тех, кто увидел свой шанс; они стали правителями над своими соотечественниками и проявили тот же дух беспричинного насилия. Навязывается та же духовная тирания, что и в самой Германии; и особенно в западных странах, с их большими гражданскими свободами, это вызывает все большее озлобление, которое находит выражение в подпольной литературе. Ни глупые выдумки о единстве тевтонской расы, ни доводы о едином континенте Европы не произвели никакого впечатления.

Падение в варварство обусловлено, во-первых, разрушительной силой современной военной техники. Более чем в любое предыдущее время вся промышленная и производительная сила общества, вся изобретательность и преданность людей поставлены на службу войне. Германия, как агрессивная сторона, подала пример; она усовершенствовала воздушное оружие, создав бомбардировщики, которые уничтожали вместе с заводами военных поставок окружающие городские кварталы. В то время она не предвидела, что производство стали в Америке во много раз превосходит производство стали в Германии, так что система разрушения, как только Америка превратит свою промышленную мощь в военную, с новой силой обрушится на саму Германию. В первую мировую войну было много сетований по поводу разрушения Ипра и повреждения некоторых французских соборов; теперь же, сначала в Англии и Франции, затем в более широком масштабе в Германии, города и фабричные кварталы, грандиозные памятники архитектуры, остатки невозвратимой средневековой красоты, шли на дыбы и разрушались. Неделя за неделей по радио сообщалось о том, сколько тысяч тонн взрывчатки было сброшено на немецкие города. Как инструмент террора, призванный поставить немецкое население на колени или побудить желающих мира к сопротивлению лидерам, эти бомбардировки потерпели неудачу. Напротив, в результате отчаяния от бессмысленных разрушений и убийств разочарованное население еще крепче привязывалось к своим правителям. Скорее создавалось впечатление, что союзные правители, уверенные в своем промышленном и военном превосходстве, хотели предотвратить революцию немецкого народа против национал-социалистических правителей, которая привела бы к более мягким условиям мира, предпочитая раз и навсегда подавить попытки Германии стать мировой державой путем прямой военной победы.

Помимо материального, духовное опустошение, совершенное среди человечества, представляет собой не меньшее падение в варварство. Нивелирование всей духовной жизни, устной и письменной речи до одного предписанного вероучения и насильственное подавление любого иного мнения выросло во время и после войны в полную организацию лжи и жестокости. Цензура прессы уже доказала свою необходимость во время прежних

войн, чтобы предотвратить сенсационные новости, вредящие военным действиям страны. В более поздние времена, когда вся буржуазия ощущала острый национализм и тесную связь с правительством, газеты считали своим долгом сотрудничать с военными властями в поддержании боевого духа оптимистическими заявлениями, в критике и оскорблении врага, а также в воздействии на нейтральную прессу. Но цензура стала более необходимой, чем раньше, для подавления сопротивления со стороны рабочих, теперь, когда война принесла более тяжелое давление долгих часов и нехватки провизии. Когда необходима пропаганда, искусственно вызывающая в народе энтузиазм к войне, нельзя терпеть контрпропаганду, раскрывающую капиталистическую подоплеку войны. Поэтому мы видим, что в первую мировую войну пресса превратилась в орган штаба армии, с особой задачей поддерживать покорность масс, а также боевой дух.

В нынешней войне это все еще может представлять положение дел на стороне союзников; но с другой стороны оно намного превосходит адаптацию к военным условиям уже существующего отдела пропаганды с его штатом художников, авторов и интеллигенции. Теперь его система формирования общественного мнения, доведенная до крайнего совершенства и распространенная по всей Европе, показывает свою полную эффективность. Утверждая свою позицию как позицию высшего права, истины и морали, рассматривая каждое действие противника как акт слабости, подлости или смущения, создается атмосфера веры и победы. Она оказалась способной превратить самое очевидное поражение в блестящий успех, представить начало краха как зарю окончательной победы и тем самым вдохновить на упорную борьбу и отсрочить окончательный крах. Не то чтобы люди принимали все это за правду; они с подозрением относятся ко всему, что слышат; но они видят решимость в лидерах и чувствуют себя бессильными из-за отсутствия организации.

Таким образом, немецкие массы являются жертвами системы, становящейся всё более жестокой и всё более лживой по мере приближения гибели. Поэтому разрушение власти немецкого капитализма будет сопровождаться бесцельным уничтожением и новым рабством немецкого народа, а не его подъемом на новую борьбу за новый мир настоящей свободы. Как разрушительная катастрофа, господство национал-социализма прошло над Германией и окружающими странами. Поток организованной жестокости и организованной лжи захлестнул Европу. Как яд, они заразили разум, волю и характер народов. Они — знак нового диктаторского капитализма, и их влияние будет ощущаться еще долго. Они не являются случайным вырождением; они вызваны особыми причинами, характерными для нынешнего времени. Тот, кто признает в качестве их глубинной причины стремление крупного капитала сохранить и расширить свое господство над человечеством, знает, что они не исчезнут с окончанием войны. Национализм, разгоревшийся до красного жара повсюду, приписывающий все это плохому расовому характеру противника и тем самым разжигающий еще большую национальную ненависть, всегда будет плодородной почвой для нового насилия, материального и духовного.

Падение в варварство — это не биологический атавизм, которому человечество может подвергнуться в любой момент. Механизм его возникновения открыт для обозрения. Господство лжи не означает, что все сказанное и написанное — ложь. Подчеркивая часть правды и опуская другие части, общее может превратиться в неправду. Часто это

сочетается с убежденностью в ее истинности со стороны говорящего. Несомненно, для каждого человека то, что он говорит, никогда не является объективной, материальной, всесторонней правдой, а всегда субъективная правда, окрашенный личный, односторонний образ действительности. Там, где все эти субъективные, личные, следовательно, неполные, частичные истины конкурируют, контролируют и критикуют друг друга, и где большинство людей таким образом вынуждены заниматься самокритикой, из них возникает более общий аспект, который мы принимаем как ближайшее приближение к объективной истине. Если же этот контроль отменяется и критика становится невозможной, а выдвигается только одно особое мнение, возможность объективной истины полностью исчезает. Господство лжи имеет своей основой подавление свободы слова.

Жестокость в действиях часто сопровождается горячей преданностью новым принципам, то есть раздражается из-за того, что не удается добиться прогресса достаточно быстро. В нормальном обществе нет иного пути, кроме терпеливой пропаганды и тщательного самообразования в выработке аргументов. Если же диктатура дает немногим власть над многими, то, возбужденный страхом потерять эту власть, он пытается добиться своих целей путем все большего насилия. Царствование жестокости находит свою существенную основу в диктаторской власти меньшинства. Если мы хотим, чтобы в грядущие времена, в борьбе классов и народов, было предотвращено падение в варварство, мы должны со всей энергией противостоять именно этим вещам: диктаторской власти небольшой группы или партии, подавлению или ограничению свободы слова.

Буря, пронесшаяся сейчас над землей, породила новые проблемы и новые решения. Помимо духовного опустошения он принес духовное обновление, новые идеи в экономической и социальной организации, наиболее заметные среди них идеи о новых формах угнетения, господства и эксплуатации. Эти уроки не будут потеряны для мирового капитала; его борьба будет более упорной, его господство более сильным, если он будет использовать эти новые методы. С другой стороны, в рабочих крепнет сознание того, насколько полно их освобождение связано с противоположными факторами. Теперь они всем телом чувствуют, насколько господство организованной лжи мешает им получить даже самые простые знания, в которых они нуждаются, насколько господство организованного террора делает их организацию невозможной. Сильнее, чем когда-либо прежде, в них пробуждаются воля и сила, чтобы держать открытыми ворота к знанию, борясь за свободу слова против любой попытки ограничить его; держать открытыми ворота к классовой организации, отказываясь и отражая любую попытку насильственного подавления, под каким бы видом пролетарских интересов она ни представлялась.

В этой второй мировой войне рабочее движение пало гораздо глубже, чем в первой. В первой мировой войне его слабость, столь резко контрастировавшая с прежней гордостью и хвастовством, проявилась в том, что его потащили за собой, что сознательно, по собственной воле, оно пошло за буржуазией и превратилось в подручных национализма. Этот характер сохранялся и в последующие четверть века, с его праздными разговорами и партийными интригами, хотя доблестная борьба в забастовках имела место. В нынешней войне у рабочего класса уже не было собственной воли, чтобы решать, что делать; он уже был включен в состав всей нации. Когда их таскают туда-сюда по заводам и цехам, обмундировывают и обучают, отправляют на фронт, смешивают с другими классами, вся

сущность прежнего рабочего класса исчезает. Рабочие потеряли свой класс; они больше не существуют как класс; классовое сознание было смыто в массовом подчинении всех классов идеологии крупного капитала. Их особый классовый словарь: социализм, общность — перенял капитал для своих несхожих понятий.

Это особенно верно для Центральной Европы, где в прежние времена рабочее движение выглядело более мощным, чем где-либо еще. В западных странах сохраняется достаточное количество классового чувства, чтобы вскоре они снова встали на путь борьбы за преобразование военной промышленности в мирную. Обремененное, однако, тяжелым грузом старых форм и традиций, ведущих к борьбе в старых формах, оно будет иметь некоторые трудности, чтобы найти свой путь к новым формам борьбы. Тем не менее, практические потребности борьбы за существование и условия труда заставят его, более или менее постепенно, поставить и разъяснить новые цели завоевания господства над производством. Там, где, однако, воцарилась диктатура и была уничтожена иностранной военной силой, там в новых условиях угнетения и эксплуатации должен сначала подняться новый рабочий класс. Там вырастет новое поколение, для которого старые имена и слова уже не имеют никакого значения. Конечно, в условиях иностранного господства будет трудно сохранить в классе чувство свободы и чистоты от национализма. Но с крушением стольких старых условий и традиций, разум будет более открыт для прямого влияния новых реалий. Любая доктрина, любое средство и слово будет восприниматься не по номинальной стоимости, а по реальному содержанию.

Более мощный, чем прежде, капитализм будет возвышаться после войны. Но сильнее и борьба трудящихся масс, которая рано или поздно возникнет против него. Неизбежно, что в этой борьбе рабочие будут стремиться к господству над цехами, к господству над производством, к господству над обществом, над трудом, над собственной жизнью. Идея самоуправления через советы рабочих завладеет их умами, практика самоуправления и рабочих советов будет определять их действия. Так из бездны слабости они поднимутся к новому раскрытию силы. Так будет построен новый мир. После войны наступает новая эра, не спокойствия и мира, а конструктивной классовой борьбы.